

Александр Пылькин

СОТЕРИОЛОГИЯ АВТОНОМНОЙ ЖИВОЙ ЕДИНИЧНОСТИ

опыт апофатического определения жизни

**Москва
Горячая линия - Телеком
2015**

УДК 1(09)
ББК 87.3
П94

Рецензент: доктор филос. наук, профессор *К. С. Пигров*

Пылькин А. А.

П94 Сотериология автономной живой единичности (опыт апофатического определения жизни). – М.: Горячая линия – Телеком, 2015. – 100 с.: ил.
ISBN 978-5-9912-0483-5.

Фиксируя в человеческой природе доязыковую реальность чистого воображения, автор апеллирует к ней как к источнику первожданного единства создания, находящего свое выражение в так называемом космическом чувстве. Язык, в форме текстуальности, с этой точки зрения выступает как порядок условий, исходя из которых утверждается жизнь конкретного человека в ее первожданном единстве, следуя путями философского спасения.

ББК 87.3

Адрес издательства в Интернет WWW.TECHBOOK.RU

Научное издание

Пылькин Александр Александрович

**Сотериология автономной живой единичности
(опыт апофатического определения жизни)**

Компьютерная верстка И. А. Благодаровой
Обложка художника О. В. Карповой

Подписано в печать 29.05.2014. Формат 60×88/16. Уч. изд. л. 6,25. Тираж 500 экз.
ООО «Научно-техническое издательство «Горячая линия – Телеком»

ISBN 978-5-9912-0483-5

© А. А. Пылькин, 2015

© Издательство «Горячая линия – Телеком», 2015

Как продукт, по разумению Маркса, оказывается овеществленной рабочей силой трудящегося, противостоящей ему, так и текст – как прошлогодняя змеиная кожа, из которой выползает, сбрасывая её, автор. Письмо устанавливает обменный процесс живого автора-человека со средой. Подобно дыханию животного, поглощающему кислород и вырабатывающему взамен углекислый газ, «творчество» оставляет тексты, перерабатывая великие мифы и теории прошлого. Каждый «делающий философию сегодня» знает: для того, чтобы обильно выдохнуть, нужно хорошенько вдохнуть. Но и сам пишущий при этом не лишь выхлопная машина: он при этом растёт, т.е. – следуя этимологическими путями слова – есть. А это значит, что кожа, сегодня ставшая полинялым мусором, вчера была тем, что позволяло змее оставаться таковой. Всё это лирика, но именно она и значима, ибо автор – в конечном счете – это функция трансформации человека. Однако фактура змеиной кожи вряд ли могла бы стать интересной, если бы и обратно – лирические латы не оставляли некоторых искривлений на теле хозяина.

Дело в том, чтобы представить философское письмо как функцию забвения, своего рода естественный механизм защиты от мнемотехник культуры, в режиме автоматизма имплантирующей индивиду совесть, т.е. способность помнить свои слова и отвечать за них. Под культурой понимается в первую очередь культура мифических сообществ *ubermensch*, описанных Ницше. Ницшеанский волюнтаризм ломается именно при его действительном воплощении с позиций сфальсифицированных самим Ницше адресатов его учения в будущем. «Свободные умы будущего» становятся социокультурной реальностью, когда философствование начинает разворачиваться в заранее иерархически размеченном поле, которое с необходимостью оказывается всегда уже смысловым полем, превращающим любую мыслительную деятельность в свойский элемент толковательного «агона хюбрисов». Собственно, из ницшеанства исчезает этот нигилистический зазор бессмысленного страдания, из которого только и «черпают мощь для творения нового неба». Будучи дискурсивным, отношение оборачивается принципом и любые символические долги перед культурой (которая, как правило, исчерпывается субкультурными связями сообщества) без труда символически же оплачиваются. Смысл, концепт, «новое» – вот что оказывается таким всеобщим эквивалентом, меновой стоимостью, за которой уже не различить инвестированного в смысловой продукт реального опыта мира. Способность помнить слова, таким образом, укореняет интерпретацию в индивиду. Поскольку в условиях «концептуального производства» неуместным в первую

очередь оказывается вкус, интерпретация фактически рассеивает живое единство индивида в бескрайнем поле дополнительных смыслов. Реально это – утрата им внутреннего единства саморегуляции, наподобие того как раковые клетки в своем делении уже не «видят» границ его. Такая утрата живого единства восполняется случайными фрагментами содержания, за которое «цепляется» децентрированный индивид, выбирая осколки из того же поля дополнительных смыслов. Фактически такая профессиональная совесть оказывается безответственностью, поскольку ответственности попросту не на что опереться в расплывающейся реальности, затхлой и бесформенной, оказавшейся по сути реальностью оборотной стороны языковой тотальности. Это память, которая помнит только саму себя, редуцируя возможную полноту события или факта к дискурсивной фрагментарности гипертекста. Инстинктивная (саморегулирующаяся) безответственность предстает как бы испорченной фиксациями частичного содержания, которое ни за что (и ни на что) не отвечает уже в силу своей слепой связи с реальностью. Она становится извращенной (или возвращенной, реактивной) забывчивостью. Следует, таким образом, (прежде всего стилистически) выявить, что след, различие (*differance*), генезис смысла вообще – лишь внешнее свойство письма, неразрывно связанное с живым единством внутреннего как одно из проявлений инстинктивной забывчивости. Указание на этот защитный механизм экстернизации памяти позволяет здесь в первом приближении наметить контуры актуальной сотериологической топике. Это фиксированная М. Фуко (уже в работе «Забота о себе»), базовая для этики спасения гетерогенность внутреннего и внеш-

него и имеющая в ней свое основание амбивалентность любого действия, когда за всеобщей (публичной) ценностью результата или акта всегда стоит ценность частная.

Исторически, или точнее генеалогически, такая спасающая забывчивость может быть представлена фигурой эпического поэта, занимающего странное место в аристократическом сообществе ЧПЧ (человек прямой чувственности), или точнее выступающего своего рода атопосом такого социума. В обратной перспективе арийского нашествия на неупорядоченные, анархические племена людозверей (которые – по Ницше – обладали всеми инстинктами, кроме «совести», и как следствие не имели военной организации) эпический поэт, воспевающий подвиги аристократии, выступает не то чтобы аксиологическим предателем, но – животным саботажником в отношении обязанности устанавливать ценности. По сути, он оказывается едва ли не единственным агентом свободных аффектов настоящего. Это своего рода благородное животное короткой воли, которому ввиду специфического рода самоутверждения удастся выжить в иерархически структурируемом пространстве «имеющих право обещать», длинных воль. Поэт не отягощен совестью ни в какой из её разновидностей: ни благородной, ни нечистой. Живое, саморегулирующееся единство, приспособившееся к такого рода среде и защищенное от неё подобием постоянно обновляющегося эпителиального покрова, утверждается как культурное животное, минуя «коммуникационный» имплантант ответственности. Обобщая предельно широко, речь идет о принципиально недialeктическом

(см. например «Диалектика просвещения» Хоркхаймера-Адорно), контрабандном сегменте природного в культуре. Эпический поэт представляет третий способ осуществления творческого инстинкта, когда он утверждает вовне, но не носит обязательной для абсолютно плотного (гомологичного) мира силового распределения установки на господство. Творчество, таким образом, выступает как одно из проявлений адаптивности живого единства по отношению к изменяющейся жизненной среде. Это требует корректировки ницшеанского биологизма и в частности его понятия жизни.

Экстериоризация памяти может быть прочитана и как воплощение конститутивного для вида *Homo Sapiens* отношения контрсуггестии. Последняя является чисто человеческой, «внутриисторической» реакцией на суггестивную природу языка, выступающего образующим условием человеческого и вырастающего непосредственно из комплекса нейрофизиологических механизмов, свойственного уже высшим животным (Б.Ф. Поршнев). Ближе всего мы узнаем этот механизм экстериоризации в патологическом феномене эхололии – автоматическом повторении, например, приказа при игнорировании его суггестивного смысла. Однако следует понять, что на уровне текста контрсуггестия перестает быть «движущим принципом человеческой истории» и становится адаптивным механизмом, и вот почему. В решении вопроса об окончательном становлении второй сигнальной системы Поршнев, по-видимому, оставляет генетическое первенство за речью, низводя изображение на уровень